

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

HUMAN GEOGRAPHY AND PHILOSOPHY OF TRANSBOUNDEDNESS

УДК 911.3
ББК 26.8

Владимир Николаевич Бочарников,
доктор биологических наук, профессор,
Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(690041, Россия, г. Владивосток, ул. Радио, 7),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru

Культурные ландшафты и дикая природа – рефлексия научного восприятия в культурной географии

Научная рациональность постпозитивистского познания – конструктивистская идентификация, обеспечиваемая «вычленением» отдельных структур, в которых сохраняется общность элементов субъективной реальности, эволюционно отображающая адаптационное становление «хозяйствующего человека», сейчас не способна выразить дихотомию природного (естественного) и искусственного (культурного) в полной мере. Развитие теоретических идей наук о природе, культуре и обществе, их синтез на основе герменевтики ландшафта позволяет существенно расширить смысл популярного тезиса, констатирующего: «для понимания целого необходимо понять его части, но для понимания частей, необходимо иметь представление о целом». Также посредством соприкосновения с этим ограничением мы постигаем, что любой проект человеческого бытия существует в многомерном пространстве возможных альтернатив, реализаций и разнообразных изменений «текста воплощений». И если культура локализуется представляющей её функцией – сохранения традиции и диффузии инноваций, то другой конец нашей умозрительной линейки – «искусственное – естественное», будет неизбежно представлен противоположностью – начало начал, неуправляемым и неорганизованным человеком хаосом, дикой природой. Геоконцепт «дикая природа» – это миф, идея, образ, символ, индекс, территория... Во всём своём единстве многозначия таковой не получил должного внимания и отображения в научном дискурсе культурной географии России.

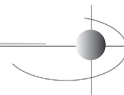
Ключевые слова: взаимодействие человека и природы, культурная география, культурный ландшафт, дикая природа, этнокультурное пространство.

Vladimir Nikolaevich Bocharnikov,
Doctor of Biology, Professor,
Pacific Institute of Geography,
Far East Branch, Russian Academy of Sciences
(ul. Radio 7, Vladivostok, 690041 Russia),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru

Cultural Landscapes and Wilderness – Reflection of Scientific Perception in Cultural Geography

Scientific rationality of principles of knowledge is constructivist identification provided by the “identification” of individual structures that retain the common elements of subjective reality, reflecting evolutionary adaptation of the emergence of “economic man”, it is not able to express the dichotomy of natural (wild) and artificial (cultural) meanings fully. We understand through contact with this restriction that any project of the human being exists in a multidimensional space of possible alternatives, implementations and a variety of changes in “text incarnations”. The theoretical insights of the sciences of nature, culture and society, their synthesis on the basis of the hermeneutics of the landscape allows one to broaden the popular meaning of the thesis, stating: “to understand the whole? one

© Бочарников В. Н., 2016

must understand its parts, but understanding parts, you need to have an idea about a whole". And if the culture is localized by representing its function, that is preservation of the tradition and diffusion of innovations, the other end of our speculative line of "artificial – natural" would inevitably be represented by the opposite – the beginning which is uncontrolled and unorganized human chaos, i. e. wilderness. A geoconcept of "wilderness" is a myth, an idea, an image, a symbol, an index, a territory. ... It has not received adequate attention and representation in academic discourse of cultural geography of Russia yet.

Keywords: interaction between man and nature, cultural geography, cultural landscape, wilderness, ethno-cultural space.

География человеческой деятельности предстаёт важнейшим фактором в современных условиях, определяющим характер и направление масштабных изменений природных и культурных ландшафтов во всех регионах планеты [7]. Ныне образ природы в человеке живёт, действует, реализует себя не в противостоянии объективной физической реальности, а «внутри» собственного персонального экоориентированного мира [3]. И в выявлении антропогенного воздействия на природную среду «...могут и должны быть успешно объединены многие аспекты изучения географии человека, осуществлена успешная интеграция в теоретическом изучении возникновения проблемности природных и общественных систем», – утверждает известнейший советский географ А. Г. Исаченко [12].

Культура человека наглядно формирует облик ландшафта, свидетельствуя очевидность того, что взаимодействие человечества с биосферой планеты сейчас вышло на качественно новый уровень. Но этот же процесс, интенсивно реализующийся на всех территориальных уровнях, позволяет также заявлять об интенсивно продолжающейся тотальной «антропогенизации» земной природы, проявленной доминанты глобального процесса усиления независимости человека от естественной своей основы – природы, как и о его же функционировании в качестве «винтика», элемента, детали социально-экономических систем, в механичности совершаемого, не нуждающегося более в осознании необходимости сохранения естественного многообразия изменившихся связей в системе «общество – природа»¹.

¹ Баранский Н. Н. Географический принцип в организации географического изучения территории // *Вопр. геогр.* – Сб. 23. Природа степи и лесостепья и её преобразование. – М.: Географгиз, 1950. – С. 19–56; Сочава В. Б. Географические проблемы освоения тайги // *Современные проблемы физической географии СССР: материалы к IV Съезду Геогр. общ-ва СССР. Симп. А. Докл.* – Л., 1964. – С. 51–65; Анучин В. А. О сущности географической среды и проявлении индетерминизма в советской географии // *Вопр. геогр.* – Сб. 41. Экономическая география. – 1957. – С. 47–64; Спектор И. Р. О проблемах взаимодействия природы и общества в географической науке // *Вопр. геогр. Сб. 100. Перспективы географии.* – 1976. – С. 41–50.

По мнению советского академика-географа И. П. Герасимова, «заря» зарождения фундаментальных наук – обеспечение хозяйственной деятельности людей сведениями о природных ресурсах и условиях осваиваемых территорий [6]. Известно, что любая наука должна обеспечивать потребности общества, в этом поле современной социально-экономической географии возникают как наиболее актуальные проблемы – мультикультурность, полиэтничность, региональный сепаратизм и силовые конфликты. Ранее академиком Д. С. Лихачёвым был успешно раскрыт термин Э. Геккеля «экология культуры»; таковой в самом общем смысле означает взаимодействие живых существ и окружающей среды, он же предполагает исследование влияния культуры на природу и наоборот [20].

Ныне можно констатировать лишь, что в каждом из многих представлений географии фиксируется и раскрывается при умелом прочтении «полифония» возможностей взаимодействия и интеграции множеств исторических, политических, экономических, социальных и природных аспектов – слоёв многомерного двуединого пространства «природа – культура», но лишь частично ограничено и субъективно неполно отображаемых в двухмерной проекции слоёв территориального субстрата географической оболочки планеты².

Внимательное изучение работ отечественных географов убеждает в том, что

² Анучин В. А. Теоретические проблемы географии. – М.: Географгиз. – 1960. – 264 с.; Герасимов И. П. Роль географии в познании современного мира // *Вопр. геогр. Сб. 100. Перспективы географии.* – М.: Мысль. – 1976. – С. 6–15.; Саушкин Ю. Г., Преображенский В. С. Дифференциация и интеграция географических наук в перспективе // *Вопр. геогр.* – Сб. 100. Перспективы географии. – М.: Мысль. – 1976. – С. 16–27.; Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1976. – 267 с.; Баранский Н. Н. Научные принципы географии // *Избр. труды.* – М.: Мысль, 1980. – 240 с.; Белозерский Г. Н., Дмитриев В. В. Тенденции развития географии в XXI в. Единая планетарная система // *Изв. РАН. Сер. геогр.* – № 4. – 2007. – С. 8–15.; Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география: научная экспликация. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. – 664 с.; Бочарников В. Н. Географическое познание и индивидуализм, восприятие и исследовательский образ – важные вопросы социально-экономической географии // *Геогр. вестн.* – № 2. – 2013. – С. 14–24.

особую трудность представляет научное восприятие и неудовлетворённость обоснования возможностей сбалансированного сочетания природной и культурной составляющих культурного ландшафта¹. Впрочем, мы должны отметить, что и за рубежом в данном «проблемном поле» глубина изучения, раскрытие и интерпретация понятийных смыслов культурного ландшафта в *Human Geography* столь же очевидно не включает в себя полного спектра реалистичных представлений об условиях и факторах его формирования и развития².

Нынешний этап социально-экологического развития человечества на планете характеризуется необходимостью введения жёстких лимитов на продолжающуюся территориальную экспансию человеком планеты. Здесь, безусловно, транслируется, что любая экономика связана с условиями, ресурсами и общественной деятельностью; её организацию, структуру и взаимосвязи можно выразить посредством научного конструирования и пространственной локализации через проекцию территории. Всё интенсивнее раскрывающиеся таковые представляют серьёзные государственные вызовы, требующие оперативного решения и помощи от науки. Реалистичное научное понимание в географии может базироваться лишь на привязке объектов мира человеческого бытия к общественному

целому, на фоне которого развёртывается действительность индивида, в том числе в «развёртке» его социальной компоненты, что представляет эксклюзивно социально-экономическая (гуманитарная, культурная) география [2].

В России культурная география является научной дисциплиной, получившей бурное и динамичное развитие в течение последних двух десятилетий, показавшей себя способной к решению сложных поставленных временем задач [9; 28]. В этой бурно развивающейся в России последних десятилетий научной дисциплине велика доля «старого» концептуального научного наследия, берущего своё начало более столетия назад в исчезнувшей антропогеографической школе, состоявшейся в опыте многих «освоенческих» разработок советских географов общественной «ветви» отечественной географической науки³. Прежнее научное основание её было в том, что: природа представала как момент взаимодействия человека с внешним миром. Это было предельно-ограничивающее понятие, содержание которого наполнялось своим конкретно-историческим и социокультурным смыслом, различающимся в каждой эпохе, зато ныне мы обязательно добавляем всю «линейку» социально-экономических и культурных представлений, территориально выраженных как континуум пространственно-временных инвариантных геосистем или многие системы своих ментальных представлений контактов между природой и культурой, локализованных в конкретном ландшафте⁴.

³ Куров И. И. Преобразование природного ландшафта в свете учения о травопольной системе земледелия // *Вопр. геогр.* – Сб. 16. Ландшафтоведение. – М.: Географгиз. – 1949. – С. 11–44; Сочава В. Б. Проблемы прикладной географии в связи с созданием Байкало-Амурской магистрали // *Изв. ВГО.* – 1975. – Т. 107. – № 5. – С. 385–396; Мильков Ф. Н. В защиту антропогенного ландшафтоведения (По поводу статьи А.Г. Исаченко «О так называемых антропогенных ландшафтах» // *Изв. ВГО.* – 1975. – Т. 107. – № 5. – С. 11–44; Рябчиков А. М., Миланова Е. В. Комплексное изучение антропогенного воздействия на природу // *Вопр. геогр.* – Сб. 100. Перспективы географии. – М.: Мысль, 1976. – С. 28–40; Славин С. В., Агранат А. Г. Проблемы освоения Севера // *Вопр. геогр.* – Сб. 100. Перспективы географии. – М.: Мысль, 1976. – С. 192–201; Космачёв К. П. Освоение тайги и география // *Вопр. геогр.* – Сб. 100. Перспективы географии. – М.: Мысль, 1976. – С. 202–209; Сочава В. Б. Географические аспекты сибирской тайги. – Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.

⁴ См.: Мильков Ф. Н. Рукотворные ландшафты: Рассказ об антропогенных комплексах. М.: Мысль. – 1978. – 84 с.; Преображенский В. С. Ландшафты в науке и практике. – М.: Знание, 1981. – 48 с.; Куракова Л. И. Современные ландшафты и хозяйственная деятельность. Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 159 с.; Исаченко А. Г. Ландшафты СССР. – М., 1985. – 320 с.; Исаченко А. Г. О так называемых антропогенных ландшафтах // *Изв. Всесоюз. геогр. об-ва.* – Т. 106. – 1974. – Вып. 1. –

¹ Исаченко А. Г. Оптимизация природной среды: географический аспект. – М.: Мысль, 1980. – 264 с.; Калущков В. Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.; Рагулина М. В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 171 с.; Дьяконов К. Н. Базовые концепции ландшафтоведения и их развитие // *Вестн. МГУ. Сер. 5.* – № 1. – 2005. – С. 4–13.; Вампилова Л. Б., Манаков А. Г. Природные и культурные признаки историко-географического районирования России // *Изв. РАН. Сер. геогр.* – 2012. – № 6. – С. 7–16.; Исаченко А. Г. Из истории теоретического поиска в ландшафтоведении (к столетию учения о ландшафте) // *Изв. ВГО.* – Т. 147. – Вып. 3. – 2015. – С. 1–16.

² The cultural landscape as a model for the integration of ecology and economics // *BioScience.* – 2000. – Т. 50. – № 4. – С. 313–320.; Norton W. *Cultural geography: Themes, concepts, analyses.* – Oxford: Oxford University Press, 2000; Mitchell D. *Cultural landscapes: the dialectical landscape-recent landscape research in human geography* // *Progress in Human Geography.* – 2002. – Т. 26. – № 3. – С. 381–390; *The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography.* 4th Ed. 1986. NY: Harper & Row. – 456 p.; Rubenstein J. M., Fellmann J. D. *The Cultural Landscape: An Introduction to Human Geography.* – 2004. – 560 p.; Nash C. *Cultural geography: postcolonial cultural geographies* // *Progress in Human Geography.* – Т. 26,2. – 2002. – 219–230 p.; Рагулина М. В. Концепции культуры и культурный ландшафт [Электронный ресурс] // *Теория и практика общественного развития.* – № 7. – 2012. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/7/kulturologiya/ragulina.pdf (дата обращения: 12.09.2015).

Впрочем, хорошо известно, что одно-значность науки обеспечивается тем, что термины, входящие в её состав, обозначают не реально воспринимаемые людьми факты действительной жизни, а определённые классы идеализированных объектов, создаваемых теоретическим сознанием. Научный термин «культурная география» обозначает исследовательский интерес к культуре человека, теоретически формируя, конструируя таковой в синтезе элементов социального и культурного окружения человека. Можно ориентироваться на мнение В. Н. Стрелецкого, обозначающего, что культура как географическая реальность может рассматриваться как минимум с двух весьма различающихся между собой точек зрения, но обязательно в связи с природной средой [27]. Так появляется безусловная потребность введения единого концепта «соприкосновения» общества, культуры и природы, парадоксальным образом сейчас, одновременно локализованная в её географических «предшественниках», а именно таковыми будут: «хозяйственная география» В. Э. Дэна (размещение производства); антропогеография и ландшафтоведение (культурный ландшафт), этнография/этноэкология (кормящий ландшафт).

Вполне очевидно, что изучение реальной жизни не может замыкаться в узких рамках научных схем определённых дисциплин, сконструированных теоретиками, и необходимо вводить существенные поправки на ситуационный контекст создаваемых и используемых знаний. Культурная география, позиционирующая себя «стыковой» дисциплиной сейчас интерпретируется сложнее, чем науки о культуре (культурология) или науки о природе (естествознание), но только так возможно бывает обозначить как экономическое, так и культурное пространство в отображении многообразия наслоений контактных зон, типов хозяйствования и мозаики перекрывающихся феноменов человеческих культур [5; 8; 11; 18].

С. 70–77; Мильков Ф. Н. Естественно-антропогенные ландшафты как особая категория природных комплексов // Антропогенные ландшафты: структура, методы и прикладные аспекты их изучения. – Воронеж, 1988. – С. 4–13; Веденин Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. – 1990. – № 1. – С. 5–17; Казаков Л. Ландшафтоведение (природные и природно-антропогенные ландшафты). – М.: Изд-во МНЭПУ, 2004; Николаев В. А. Учение об антропогенных ландшафтах – научно-методическое ядро геоэкологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2005. – № 2. – С. 35–44; Николаев В. А., Копыл И. В., Сысуев В. В. Природно-антропогенные ландшафты (сельскохозяйственные и лесохозяйственные). – М.: Геогр. фак. МГУ. – 2008. – 160 с.

Ландшафтные описания имеют художественный и эмоциональный характер; так, привязка феномена культуры к ландшафту, или погружение в географическое пространство, главным образом происходит при изучении и интерпретации пространственных закономерностей, а также временной изменчивости в связи с пространственными особенностями. В таких ландшафтах, по В. А. Николаеву [22], появляется искусственный компонент – техновещество (артефакты, культурные слои и т. п.). Мы также должны учитывать возможность дифференциации культурного и антропогенного (по: Ф. Н. Мильков) или антропогенизированного (по: А. Г. Исаченко) ландшафта.

По В. Н. Калуцкову к антропогенным ландшафтам относятся такие территории, в пределах которых антропогенные изменения (целенаправленные и непреднамеренные) приводят, как уже говорилось, к трансформации ландшафтных структур. Они имеют блоковую структуру, а их составными подсистемами являются природная, социально-хозяйственная и подсистема управления (информационная). Здесь следует констатировать, что ландшафтоведческие классификации «естественной природности» территории могут быть исключительно разнообразны, хотя их противоположности (антропогенные и культурные ландшафты) объясняются обычно характером актуальных природных воздействий и последствиями нарушений человеком участков природной среды (носят они обратимый или необратимый характер); и ещё более сложное суждение: стал ли данный ландшафт под влиянием человека антропогенным ландшафтом или при определённых условиях таковой может быть признан культурным [17].

Большинством исследователей, использующих ландшафтную концепцию как «базовую» в культурной географии, признаётся, что природная составляющая занимает принципиальное место в характеристиках происхождения и эволюции культурных и антропогенных ландшафтов¹. Разнообразие природных условий обеспечивает чрезвычайную эстетическую ландшафтную привлекательность как в прошлом, так и в настоящем. В культурной географии свою методологию Владимир Каганский называет «герменевтикой ландшафта», и если принимаем,

¹ Дьяконов К. Н. Базовые концепции ландшафтоведения и их развитие // Вестн. МГУ. Сер. 5. – № 1. – 2005. – С. 4–13.; Исаченко А. Г. Из истории теоретического поиска в ландшафтоведении (к столетию учения о ландшафте) // Изв. РГО. – Т. 147. – Вып. 3. – 2015. – С. 1–16.

что понять текст значит понять «суть дела», предлагаемого и/или обсуждаемого автором, произвести свой смысл, это полностью соответствует коллективному «прочтению» культурного ландшафта, существующего в невообразимом разнообразии мест, местностей, сочетаний искусственного и естественного [13]. Поэтому понятие «культурный ландшафт» органично рассматривается в рамках отечественного классического ландшафтоведения, например, с позиций ландшафтоцентрического подхода (Л. С. Берг, А. Г. Исаченко, Ф. Н. Мильков, В. А. Николаев и другие).

Современное теоретическое представление о культурном ландшафте столь же неопределённо, хотя и стало многозначным и разносторонним, вследствие понятийного совмещения сложной дихотомии научно-философских категорий культуры и природы, интерпретируемых общественной (культурной) географией¹. Впрочем, существуют и очень простые ранние альтернативы, было заявлено: «культурным ландшафтом надо называть всякий природный ландшафт, в котором взаимные связи элементов природной среды изменены человеческой деятельностью. Изменения эти могут быть сравнительно невелики, или наоборот, очень сильны, но стоит только нарушить количественные соотношения и взаимные связи элементов природы географического ландшафта, как меняется структура ландшафта. А с ней – и он сам. На земной суше сравнительно мало областей, которые бы не подходили под понятие культурных ландшафтов. В нашей стране вне областей культурных ландшафтов лежат пространства Арктики и нивальные районы высокогорий, каменистые и частично глинистые пустыни... центральные участки крупных песчаных пустынь... частично водораздельные пространства “девственной” сибирской тайги и сибирской тундры» [24, с. 97].

Природные и культурные компоненты культурного ландшафта (в общем случае) равноправны, взаимосвязаны и дополнительные. Особенности культурного ландшафта, чётко

¹ Калущков В. Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестн. МГУ. Сер. 5. Геогр. – № 5. – 1995. – С. 16–20.; Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2001. – № 1. – С. 7–14.; Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2002. – № 4. – С. 18–28; Тютюнник Ю. Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2004. – № 4. – С. 116–122.; Рагулина М. В. Культурный ландшафт и сотворчество человека и природы // Геогр. и прир. ресурсы. – 2007. – № 3. – С. 88–95.

выражающиеся в его рисунке, закономерны и теоретически объяснимы. Природные и культурные компоненты ландшафта рассматриваются общегеографически, описываются структурно сходно (ареалы, сети, районы) и трактуются как дополнительные «слои» и места одних и тех же территорий [14].

Культурная география сосредоточена на отображении пространственных закономерностей и проявлении отличий, что оставляет неизменность обращения к методологии районирования или регионализации; впрочем, не менее определённой является вектор моделирования и иных количественных методов, подходов перцепционной географии, заимствования и интеграции исследовательских усилий на междисциплинарной основе, что получает воплощение при обращении к одной из цементирующих сотрудничество основ – понятию о культурном ландшафте². Можно доказательно утверждать, что в теоретическом фундаменте культурной географии воплотилось ныне давнее ожидание-предвидение известного классика советской географии Ю. С. Саушкина: «Для изучения культурных ландшафтов... нужна особая ветвь географии, которая взяла бы на себя изучение... создала бы специальную науку об истории развития природной среды в связи с историей общества» [24, с. 106].

В культурно-историческом рассмотрении культурный ландшафт определяется не толь-

² Buttner A., Seaman D. (eds). The Human Experience of Space and Place. – New-York, St. Martin's Press, 1980; Rogers E.M. Diffusion of Innovations. 3rd Ed. – New-York: Free Press, 1971; Salter C.L. The Cultural Landscape. – Belmont, California: Duxbury Press, 1971; Thomas W. L., Jr. (ed). Man's Role in Changing the Face of the Earth. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982; Naveh Z. Interactions of landscapes and cultures // Landscape and Urban planning. – 1995. – Т. 32. – №. 1. – P. 43–54; Schein R. H. The place of landscape: a conceptual framework for interpreting an American scene // Annals of the Association of American Geographers. – 1997. – Т. 87. – №. 4. – P. 660–680; Farina A. The cultural landscape as a model for the integration of ecology and economics // BioScience. – 2000. – Т. 50. – №. 4. – P. 313–320; Norton W. Cultural geography: Themes, concepts, analyses. – Oxford: Oxford University Press, 2000; Mitchell D. Cultural landscapes: the dialectical landscape-recent landscape research in human geography // Progress in Human Geography. – 2002. – Т. 26. – №. 3. – P. 381–390; Whatmore S. Materialist returns: practicing cultural geography in and for a more-than-human world // Cultural geographies. – 2006. – Т. 13. – №. 4. – P. 600–609; Norton W. Cultural geography: environments, landscapes, identities, inequalities. – Oxford University Press, 2006; Fellmann J. D. et al. Human geography: Landscapes of human activities. – 2007; Brace C., Geoghegan H. Human geographies of climate change: Landscape, temporality, and lay knowledge // Progress in Human Geography. – 2010; Knox P. L., Marston S. A. Human geography: Places and regions in global context. – Pearson, 2013; Fouberg E. H., Murphy A. B., De Blij H. J. Human geography: people, place, and culture. – Wiley Global Education, 2015.

ко природными условиями, но и различностью в освоении человеком конкретного пространства в его исторической ретроспективе. По В. Л. Каганскому [13] культурный ландшафт понимается «...как потенциально сплошной, непрерывный, тесно выраженный, морфологичный, разнообразно выражающий функцию места в понимании человека». В культурном ландшафте, если воспринимать его как и любую другую знаковую систему, фиксируются только те значения, для которых знаковая система имеет средства выражения, наполненные историей, смыслами и делами человечества. В этом случае «земная поверхность может быть осмыслена и интерпретирована как пространственно семантическая сеть. Уникальность, целостность мест, насыщенность их историко-культурной информацией скрепляет совокупность природных и культурных процессов».

И, вероятно, в итоге должно быть представлено нелинейное синергетическое представление, с помощью которого при проецировании на территорию мы получаем условную линейку, на одном конце которой обозначается культурный ландшафт как наиболее чётко и гармонично выстроенный по человеческим меркам полюс «сотворчества человека и природы» (В. Н. Сочава). В этой изящной концепции под культурным ландшафтом понимается целенаправленно созданный сотворчеством этноса и природы антропогенный ландшафт, обладающий высокоорганизованной территорией и оптимальным природопользованием.

Необходимо изучение связи с различными особенностями ландшафта и географического пространства, географическое районирование явлений культуры, разумеется, картографический анализ с помощью разнообразных специальных карт и другие приёмы представления и изучения феномена культуры как географического явления, в соответствии с полифункциональностью топосов [15]. Без сомнения, цивилизационное развитие последних веков, выраженное хозяйственной деятельностью человека, неоспоримым образом изменило и продолжает менять облик планеты, но при существующем и невообразимом обилии зарегистрированных фактов таких изменений, с прагматичных позиций геоэкологии, их влияние до сих пор оценивается лишь применительно к локальному уровню.

Но и ныне «поведенческие установки, образы, идентичности, социальный и символический капитал, проявление власти в ландшафте» являются темами актуальными, но практически не выбираемыми российскими

географами для изучения (Т. Д. Замятина). Особенно выделяется разность бытийного и отстранённого прочтения текста культурного ландшафта, при котором возникает новое измерение: происходит превращение географической среды в знаковую систему с одновременным «проявлением» архетипов, трансцендентных понятий, символьных полей, и других форматов многообразия человеческой перцепции. Семиотический, лингвистический, топологический подходы формируют междисциплинарность и могут быть сравнимы лишь в том, что анализ языковых структур необходим для осмысления роли географического пространства в жизнедеятельности той или иной культуры.

О. А. Лавренова показывает, что в ландшафте центров культурно-географического пространства (города, посёлки, усадьбы и т. п.) прописываются, канализируются информационные потоки культурных традиций и инноваций, воспринимаемые в интерпретируемой знаковой системе. Узлами такой сети станут города, реки, горные вершины и горные цепи» [19, с. 117].

Пространственность остаётся всегда, поскольку эта способность врожденна, была заложена в человеке изначально, с момента его появления, а в биолого-психологическом смысле тесно связана с таким пониманием, как территориальность. Эта способность изменяется (мутирует) вместе с самим человеком, но в нашей обыденной жизни, в познании бытийной географии территория всегда остаётся выражением геообъекта как целого, так же как сконструированный исследователем географический район будет всегда лишь частью исходного целого, хотя самоё оно как таковое меняющееся непрерывно целое, перманентно представляется нам в проблемном аспекте.

Особую роль играет рефлексия культурной географии как «крыла» социально-экономической (общественной) или гуманитарной географии, формируя современный «слепок» комплексного отображения проблем на стыке природы, общества, экономики и культуры [26; 29; 31]. Но здесь следует отметить, что в отличие от науки в обыденности информация, заключённая в ландшафте, чаще всего воспринимается его обитателями на подсознательном уровне, но при этом ими ощущается особая их значимость, что характерно для людей, чьё выживание ещё в значительной степени зависит от состояния природы.

И. И. Митин предполагал, что если в культурной географии брать за основу метод,

а не объект, то следует ориентироваться на «систему представлений о географическом пространстве в сознании отдельных людей, социальных, этнокультурных групп и др., согласно которым человек организует свою деятельность на конкретной территории» [21, с. 151]. Мы теряем непрерывно данную составляющую, поскольку ареной жизнедеятельности становятся полностью урбанизированные территории, где под воздействием человека доля природных составляющих оказывается минимальной. И если в научных представлениях о ландшафте придерживаться принципиальных позиций известных отечественных учёных (Б. Б. Родоман, А. Г. Исаченко, А. Д. Арманд), что понятие о ландшафте основывается на наличии логичных противоположностей, полюсов единого или особенном механизме континуальной полярности, то в развитии этого тезиса мной аксиоматично принимается, что «природа» и «культура» существуют как базовые философские категории, наделённые разнообразным смыслом, имплицитные в смыслах постижения мироздания. Они же в контексте культурной географии представляют различные полюса географически-сущего; они же формируют диалектическую дихотомию представления пространственных закономерностей культурных проявлений различных групп в определённом социальном, экономическом и политическом пространстве [1].

Т. И. Герасименко отмечает, что география культуры призвана изучать культурные (этнические) ареалы, их взаимодействие, границы, территориальную организацию культуры, включая отображение этноконтактных зон как системы явлений (процессов) и объектов, сложившихся в результате организации и самоорганизации, взаимосвязи (отношения между элементами системы) и пространственно-временное взаимовлияние различных культур (систем) [4]. В попытке оформления общего основания для изучения культурных ландшафтов В. Н. Калуцковым было предложено использование теоретического представления о геоконцепте, под которым автор понимает «любое значимое для определённого человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом (геоконцепт = образ + топоним + территория). Им раскрывается, что в «полиэтнических регионах одно и то же место для разных сообществ часто обладает разными географическими и историческими образами», что позволяет выделить два типа геоконцептов – этнокультурные и территориальные [17, с. 27; 29].

Что касается природы, то, очевидно, будет важным провести понятийную границу между вынесенной в данной статье формулировкой, демонстрирующей дихотомию «культурного ландшафта и дикой природы», и обычным широко распространённым «сетевым» пониманием-трансляцией термина «природа» – «как совокупности естественных условий существования человеческого общества, на которую прямо или косвенно воздействует человечество, с которой оно связано в хозяйственной деятельности...» [23].

Учитывая исключительное разнообразие как культурных, так и природных систем и их инвариантов, соответственно, основными объектами изучения в культурной географии равноценно предстают различные по морфологии, генезису и восприятию геобъекты культурного, природного характера и все те элементы и факторы, формирующие весь набор антропогенно-производных ландшафтных комплексов, природно-хозяйственных и этнокультурных систем, ментальных, семантических, лингвистических представлений, образов, концептов, в рамках которых культурные ландшафты могут быть лишь обозначены, но не определены¹.

Такая постановка убеждает, что концепт культурного пространства становится неотделим от его полярности – «некультурного», «дикого» пространства, природного естественного хаоса; фактически возникает единое поле, точнее континуум, трудно, но возможно дифференцируемый, вычленимый и отображаемый. Но видится, впрочем, весьма проблематичной сама по себе такая постановка как научной задачи хотя бы потому, что в идеале «дикая природа» – это местоположение «нигде» и уж явно вне любого обыденного доступа человека. Следовательно, мы до сих пор не знаем точно – что такое дикая природа? И ещё, мы не можем быть

¹ Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Обществ. науки и современ. – 1997. – № 1. – С. 134–145; Низовцев В. А. Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. геогр. – 1999. – № 1. – С. 26–30.; Тютюнник Ю. Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2004. – № 4. – С. 116–122.; Николаев В. А. Геоэкологическая концепция культурного ландшафта (в свете проблем перехода к устойчивому развитию) // Функционирование и современное состояние ландшафтов. – М.: Городец, 2004. – С. 268–275.; Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. – М.: Высш. шк. – 1991. – 365 с.; Веденин Ю. А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Изд-во Ин-та наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 68–81.

«погруженными» в дикую природу, мы можем лишь быть с ней в краткосрочном контакте.

Известно, что в идее энвайронментального холизма, предложенной японскими философами (*M. Takada, Y. Hayashi*), обозначена позиция, которая отображает тезис, что без поддержания и сохранения природы человеком невозможна устойчивая жизнь. Со своего появления и поныне мы надстраиваем «микроскопические кирпичики» своего знания в собственные конструкции мироздания, неизвестного нам и доказательно не зафиксированного во всей полноте. Всегда «идём» от полностью неизвестного нам к совсем новому, и уже древний человек, рассматривая результаты своего взаимодействия с окружающей его природной средой, использовал всевозможные системы знаков для интерпретации и передачи познанного, что, в общем, обеспечивает до сих пор формальную «гносеологическую однородность» создаваемых картин действительности.

Ситуация осложняется тем, что хорошо известный в отечественной географической традиции, в решении задач эколого-географического характера опыт классификации, оценки, районирования как общепризнанных научно-инструментальных средств по выявлению, интерпретации и фиксации пространственных закономерностей мало подходит для адекватного изучения ненаселённых человеком мест. Очевидно и то, что осмысление взаимосвязи и зависимости общества от природы – насущная необходимость и первостепенная задача гуманитарной географии, хотя мы должны не забывать, прежде всего, о необходимости «ввода в жизнь» декларируемых самой жизнью принципиальных истин.

Ю. Г. Тютюнник, поставив вопрос об онтологических перспективах ландшафтоведения, высказывает предположение, что «противоречия, возникающие между практикой ландшафтопреобразования и теорией ландшафтоведения, обуславливаются не изъянами теории, а фундаментальными историческими пороками новоевропейской онтологии, лежащими в основе современной практики природопользования» [30, с. 74]. И если, по мнению автора, ландшафт не может рассматриваться более как объект, то возникает коллизия самостоятельности субъекта, с его (т. е. ландшафта) как целостного представления о самостоятельной, не зависящей имманентно от человека природе и, соответственно, уже нечеловеческого, но «субъекта права», должно имеющего юридические ос-

нования для защиты «права природы») [30, с. 82–83].

Всё же вначале, мы должны обращаться к известному. В России, с нашими богатыми историко-культурными традициями и «необъятными» природными просторами, мы просто обязаны найти достойное адекватное место рассмотрению и сохранению *дикуй природы* – как независимой, не нуждающейся в контроле и управлении, но поддерживающей вселенский баланс и целесообразность существования нашей планеты. И в современном дискурсе научной рациональности, отображая дихотомичность объект-субъектных отношений, следует признавать окончательность понимания, что в человеке никогда не будут выявлены в чистом виде ни объект, ни субъект, и тем самым поддерживается существование единого «феноменального поля психики» (В. Левин).

Наша психика никогда до конца не сможет примириться с раздельным – противопоставленным – существованием человека и природы. Впрочем, заметим при этом, что многие культурные объекты пространственно-семантической сети находятся в оппозиции – естественное/искусственное, что порождает сложные богатые нюансами отношения. Что характерно, и само понятие «дикая природа» рано вводится в России, в самый плодотворный период развития русской антропогеографической школы, но затем, как и многое другое, из богатого наследия было «потеряно». В подтверждение вернёмся к некоторым истокам понимания ландшафта.

В начале XX в. великолепным биологом и географом, философом-эволюционистом Л. С. Бергом было указано: «Самым крайним, наиболее резким членом в ряду неорганических пейзажей является не имеющийся в Земле *лунный кратерный пейзаж*, освещаемый Солнцем, но совершенно лишённый воды и воздуха. Такой пейзаж производит на нас впечатление, аналогичное тому, которое получается от собрания голых черепов и костей животных и человека» [25, с. 51–52]. Далее поясняется следующий ландшафтный уровень: «Полудикий... в этом пейзаже уже начинают вытесняться, истощаться и вымирать многие элементы первобытного пейзажа, а взамен их появляются произведения рук человека». И эволюционно появляющийся следующим в авторской градации «пейзаж *культурный*, в котором человек использовал и переместил по своей воле в полной мере с большим техническим совершенством все элементы минеральные, растительные и жи-

вотные, истребив часть первобытных из них дотла и заполнив всю территорию совершенными произведениями труда своего над Землей» [25, с. 54].

Вполне понятно, что нам нет необходимости начинать с нуля научное познание неведомого природного как территории, мы можем учесть и развить оригинальные русские представления о дикой природе и культурном ландшафте; конечно, мы способны понять и творчески переосмыслить для себя имеющийся в наиболее развитых странах опыт уничтожения и восстановления дикой природы¹. В современном мире остро необходимы целевые работы по выявлению, оценке состояния и возможностей сохранения крупных целостных, сохранивших свою естественную функциональность участков дикой природы. Нужно научное сопровождение работ такого рода отечественными географами и экологами, и в контексте гуманитарной (культурной) географии такие работы могут получить необходимое воплощение [9].

Пока же, к сожалению, лишь в зарубежных географических работах можно найти полноценно обсуждаемую в печати идею вос-

становления дикой природы, выраженной как «национальный геоконцепт», который активно используется в культуре, искусстве, психологии для привлечения внимания и помощи в защите естественной природы. Хотя как научный концепт *wilderness*, или дикая природа, по нашему мнению, был «несправедливо» лишён на ранней стадии своего появления² «научного внимания» зарубежных географов. И в англоязычных же странах были оперативно разработаны, приняты, распространены особые процедуры осмысления и идентификации особого природоохранного концепта – дикой природы, и таковой официально включён в перечень мировых категорий особо охраняемых природных территорий планеты³.

Резюмирую, что основным признаком наличия дикой природы является способность природной среды в определённом месте, в рамках целостной территории, в составе гео- или экосистемы, ландшафта функционировать естественным образом, без обязательного вмешательства человека, что значит и «отсутствие присутствия» человека на постоянной основе. Допускается вступать в контакт с дикой природой движимым желанием получить творческое озарение, инсайт или неизвестный ранее «научно-гипотетический контент».

¹ Darling F. F. Wilderness, science and human ecology [Электронный ресурс] // Proceedings of the sixth biennial wilderness conference. Sierra Club. – San Francisco, 1960. – P. 95–106; US Wilderness Act (1964). – Режим доступа: <http://www.wilderness.net/index.cfm?fuse=NWPS&sec=legisAct;> Nash R. F. The rights of nature: a history of environmental ethics. – Univ. of Wisconsin Press, 1989.; Dunlap T. R. Nature and the English diaspora: environment and history in the United States, Canada, Australia, and New Zealand. – Cambridge University Press, 1999. – №. 17.; Schmitt P. J. Back to nature: the arcadian myth in urban America. – Johns Hopkins Univ. Pr, 1990; Cole D. N.; McCool S. F.; Freimund W. A. O'Loughlin J. (comps). Wilderness science in a time of change conference. – Vol. 1: Changing perspectives and future directions; 1999 May 23–27; Missoula, MT. Proceedings RMRS-P-15-VOL-1. Ogden, UT: U. S. Department of Agriculture, Forest Service, Rocky Mountain Research Station. – 2000.; Rudzitis G. et al. The impact of wilderness and other wildlands on local economies and regional development trends // Wilderness Science in a Time of Change Conference. – 2000. – Т. 2. – С. 23–27; Ashley P. Toward an understanding and definition of wilderness spirituality // Australian Geographer. – 2007. – Т. 38. – №. 1. – С. 53–69.; Lewis M. L. (ed.). American wilderness: A new history. – Oxford University Press, USA, 2007; Wohl E. Wilderness is dead: Whither critical zone studies and geomorphology in the Anthropocene? // Anthropocene 2. 2013. – P. 4–15.; Бочарников В. Н. О международной терминологии, зарубежных представлениях и географическом смысле концепции «дикой природы» // Географические исследования восточных районов России: этапы освоения и перспективы развития. – Владивосток: Тихоокеан. ин-т геогр. ДВО РАН, 2014. – С. 11–15; Vocharnikov V. Philosophical and Ethnocultural Aspects of Definition for Coastal Maritime Nature Use Proceedings of the 3rd International Meeting of Amur-Okhotsk Consortium 2013 in collaboration with the Conference on "Sustainable Nature Management in Coastal Areas". – 2013. – 107–111 p.

² Зарубежная концепция «дикой природы» не получила должного внимания в Советском Союзе, впрочем и в Российской Федерации, она остаётся практически неизвестной. Известно, что в нарождающейся Федерации и в будущих Соединённых Штатах к 1830 г. на южных, центральных и восточных территориях независимых штатов уже не стало хватать для всех желающих поживиться богатств, и особенно в виде новых свободных земель. На захваченной и поделённой земле везде шла её трансформация под задачи сельского хозяйства, и земельные ресурсы «шли на расхват», востребованные и для строительства городов, создания промышленных предприятий, организации ранчо и фермерских хозяйств. Подводя печальные (в смысле сохранности прежней чудесной североамериканской природы) итоги двухвековой колонизации, правительству США к концу XIX в. пришлось задуматься о начале осуществления масштабной природоохранной политики, с тем чтобы сохранить остатки некогда богатого наследия – дикой природы [3].

³ Van den Berg A.E., Koole S.L. New wilderness in the Netherlands: An investigation of visual preferences for nature development landscapes // Landscape and Urban Planning. 78. – 2006. – 362–372 p.; Guidelines on Wilderness in Natura 2000. EU Tech. Rep. Brussel, 2000. – 67 p.; Mittermeier A. C., Mittermeier G. T., Brooks M. J., Pilgrim D., Konstant W. R., da Fonseca G. A. B., Kormos C. Wilderness and biodiversity conservation // PNAS, September 2, 2003, – Vol. 100. – No. 18. – P. 10309–10313.; Kalamandeen M., Gillson L. Demything "wilderness": implications for protected area designation and management // Biodiversity Conservation: 16. – 2007. – P. 165–182.; Management of terrestrial wilderness and wild areas within the Natura 2000 Network. EC Technical Report-2013-069. 2013. – 97 p.

В обыденности доминанта – это найти себя в своём естественном психическом облике, отдыхая от тягот социального общения в урбанизированном современном мире. Это нельзя сделать только через логику, но можно попытаться максимально включить инту-

итивный творческий процесс, вдохновение или «художественный полёт» в отражении и конструировании природного многие тысячелетия, неустанно воплощаемые человеком в метрике, структуре, ценности и функциональности культурного ландшафта.

Список литературы

1. Бочарников В. Н. «Дикая природа» и «культурный ландшафт»: возможности применения в ландшафтоведении // Астрахан. вестн. экол. образ. № 4. 2014. С. 5–23.
2. Бочарников В. Н. Научная функция географии современного общества: важность изменений исследовательской парадигмы // География: развитие науки и образования: колл. монография по материалам междунар. науч.-практ. конф. XVIII Герценовские чтения, 22–25 апреля 2015 г., посвящ. 70-летию создания ЮНЕСКО. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 24–28.
3. Бочарников В. Н. Природа и человек: поиск научного взаимодействия в географии // Вестн. ЗабГУ. № 2. 2015. С. 4–14.
4. Герасименко Т. И. Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестн. СПбГУ. Спец. вып. 2012. С. 311–339.
5. Герасименко Т. И. Этнокультурные зоны в геокультурном пространстве России // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика. Концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов н/Д.: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2014. С. 301–320.
6. Герасимов И. П. Роль географии в познании современного мира // Вопр. геогр. сб. 100. 1976. С. 6–16.
7. Демьяненко А. Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабар. краев. тип., 2010. 224 с.
8. Дружинин А. Г. География культуры: некоторые аспекты географических исследований культуры // Изв. ВГО. Т. 121. Вып. 1. 1989. С. 59–64.
9. Дружинин А. Г. «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: итоги становления, проблемы и приоритеты развития // Южно-Российский форум. № 1. 2013. С. 3–15.
10. Дружинин А. Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балт. регион. № 2. 2015. С. 127–140.
11. Замятин Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретации // Социол. журн. № 2. 2002. С. 5–13.
12. Исаченко А. Г. Кризис географии человека: причины и поиски выхода // Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 4. С. 31–32.
13. Каганский Л. В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. статей. М.: Новое лит. обозр., 2001. 576 с.
14. Каганский В. Л. Главные особенности российского культурного ландшафта как целого // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов н/Д.: Изд-во Южн. федер. у-та, 2014. С. 255–265.
15. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
16. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурно-географических исследованиях // Изв. РАН. Сер. геогр. № 4. 2008. С. 11–19.
17. Калуцков В. Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. Т. 1. № 1. 2012. С. 27–36.
18. Крупник И. И. Арктическая этноэкология (модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии). М.: Наука, 1989. 271 с.
19. Лавренова О. А. Культурный ландшафт: семантика культурно-географических взаимоотношений // Изв. РАН. Сер. геогр. 2003. № 2. С. 114–120.
20. Лихачёв Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
21. Митин И. И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов н/Д.: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2014. С. 147–156.
22. Николаев В. А. Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестн. МГУ. Сер. геогр. № 6. 2000. С. 3–8.
23. Полуянов В. П. Система социально-экономических ценностей человека [Электронный ресурс] // Науч. ведом. БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2009. № 7. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialno-ekologicheskikh-tsennostey-cheloveka> (дата обращения: 26.01.2016).
24. Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // Вопр. геогр. Вып. 1. М.: ОГИЗ, 1946. С. 97–107.
25. Семёнов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 311 с.
26. Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы / под ред. А. Г. Дружинина // Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 14 сент. 2013 г.). М.; Ростов н/Д., 2013. 288 с.
27. Стрелецкий В. Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Сер. геогр. № 5. 2008. С. 21–33.
28. Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псков. регион. журн. 2012. № 14. С. 9–21.
29. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова // Материалы междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2010. 166 с.
30. Тютюнник Ю. Г. Онтологические перспективы ландшафтоведения // Изв. РГО. 2015. Т. 147. Вып. 5. С. 74–86.
31. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. 536 с.

References

1. Bocharnikov V. N. «Dikaya priroda» i «kul'turnyi landshaft»: vozmozhnosti primeneniya v landshaftovedenii // Astrakhan. vestn. ekol. obraz. № 4. 2014. S. 5–23.
2. Bocharnikov V. N. Nauchnaya funktsiya geografii sovremennogo obshchestva: vazhnost' izmenenii issledovatel'skoi paradigmy // Geografiya: razvitiye nauki i obrazovaniya: koll. monografiya po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. XVIII Gertsensovskie chteniya, 22–25 aprelya 2015 g., posvyashch. 70-letiyu sozdaniya YuNESKO. SPb.: Izd-vo RGPU im A. I. Gertsena, 2015. S. 24–28.
3. Bocharnikov V. N. Priroda i chelovek: poisk nauchnogo vzaimodeistviya v geografii // Vestn. ZabGU. № 2. 2015. S. 4–14.
4. Gerasimenko T. I. Vmeshchayushchii landshaft i komplimentarnost' etnosov – osnova formirovaniya regional'noi identichnosti // Vestn. SPbGU. Spets. vyp. 2012. S. 311–339.
5. Gerasimenko T. I. Etnokul'turnye zony v geokul'turnom prostranstve Rossii // Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniya, analitika. Kontsepty / pod red. A. G. Druzhinina i V. N. Streletskogo. Rostov n/D.: Izd-vo Yuzhn. feder. un-ta, 2014. S. 301–320.
6. Gerasimov I. P. Rol' geografii v poznanii sovremennogo mira // Vopr. geogr. sb. 100. 1976. S. 6–16.
7. Dem'yanenko A. N. Ekonomicheskoe raionirovanie: voprosy teorii i istorii. Ch. I. Khabarovsk: Khabar. kraev. tip., 2010. 224 s.
8. Druzhinin A. G. Geografiya kul'tury: nekotorye aspekty geograficheskikh issledovaniy kul'tury // Izv. VGO. T. 121. Vyp. 1. 1989. S. 59–64.
9. Druzhinin A. G. «Kul'turnaya sostavlyayushchaya» obshchestvennoi geografii v sovremennoi Rossii: itogi stanovleniya, problemy i priority razvitiya // Yuzhno-Rossiiskii forum. № 1. 2013. S. 3–15.
10. Druzhinin A. G. Razvitiye rossiiskoi obshchestvennoi geografii: trendy, problemnye situatsii, priority // Balt. region. № 2. 2015. S. 127–140.
11. Zamyatin D. N. Geokul'tura: obraz i ego interpretatsii // Sotsiol. zhurn. № 2. 2002. S. 5–13.
12. Isachenko A. G. Krizis geografii cheloveka: prichiny i poiski vykhoda // Izv. RGO. 2012. T. 144. Vyp. 4. S. 31–32.
13. Kaganskii L. V. Kul'turnyi landshaft i sovetское obitaemoe prostranstvo: sb. statei. M.: Novoe lit. obozr., 2001. 576 s.
14. Kaganskii V. L. Glavnye osobennosti rossiiskogo kul'turnogo landshafta kak tselogo // Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty / pod red. A. G. Druzhinina i V. N. Streletskogo. Rostov n/D.: Izd-vo Yuzhn. feder. un-ta, 2014. C. 255–265.
15. Kalutskov V. N. Landshaft v kul'turnoi geografii. M.: Novyi khronograf, 2008. 320 s.
16. Kalutskov V. N. Landshaft v kul'turno-geograficheskikh issledovaniyakh // Izv. Ran. Ser. geogr. № 4. 2008. S. 11–19.
17. Kalutskov V. N. Geokontsepty v geografii // Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya. T. 1. № 1. 2012. S. 27–36.
18. Krupnik I. I. Arkticheskaya etnoekologiya (modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenevodov Severnoi Evrazii). M.: Nauka, 1989. 271 s.
19. Lavrenova O. A. Kul'turnyi landshaft: semantika kul'turno-geograficheskikh vzaimootnoshenii // Izv. RAN. Ser. geogr. 2003. № 2. S. 114–120.
20. Likhachev D. S. Russkaya kul'tura. M.: Iskusstvo, 2000. 440 s.
21. Mitin I. I. Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskii podkhod v kul'turnoi geografii // Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty / pod red. A. G. Druzhinina i V. N. Streletskogo. Rostov n/D.: Izd-vo Yuzhn. feder. un-ta, 2014. S. 147–156.
22. Nikolaev V. A. Kul'turnyi landshaft – geoeologicheskaya sistema // Vestn. MGU. Ser. geogr. № 6. 2000. S. 3–8.
23. Poluyanov V. P. Sistema sotsial'no-ekonomicheskikh tsennostei cheloveka [Elektronnyi resurs] // Nauch. vedom. BelGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2009. № 7. Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialno-ekologicheskikh-tsennostey-cheloveka> (data obrashcheniya: 26.01.2016).
24. Saushkin Yu. G. Kul'turnyi landshaft // Vopr. geogr. Vyp. 1. M.: OGIz, 1946. S. 97–107.
25. Semenov-Tyan-Shanskii V. P. Raion i strana. M.; L.: Gos. izd-vo, 1928. 311 s.
26. Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya v XXI veke: vyzovy i vozmozhnye otvety / pod red. A. G. Druzhinina // Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 14 sent. 2013 g.). M.; Rostov n/D., 2013. 288 s.
27. Streletskii V. N. Kul'turnaya geografiya v Rossii: osobennosti formirovaniya i puti razvitiya // Izv. RAN. Ser. geogr. № 5. 2008. S. 21–33.
28. Streletskii V. N. Kul'turnyi regionalizm: sushchnost' ponyatiya, problemy izucheniya i sistema indikatorov // Pskov. regionol. zhurn. 2012. № 14. S. 9–21.
29. Teoriya sotsial'no-ekonomicheskoi geografii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya / pod red. A. G. Druzhinina, V. E. Shuvalova // Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Rostov-na-Donu, 4–8 maya 2010 g.). Rostov n/D.: Izd-vo YuFU, 2010. 166 s.
30. Tyutyunnik Yu. G. Ontologicheskie perspektivy landshaftovedeniya // Izv. RGO. 2015. T. 147. Vyp. 5. S. 74–86.
31. Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty / pod red. A. G. Druzhinina i V. N. Streletskogo. Rostov n/D.: Izd-vo YuFU, 2014. 536 s.

Библиографическое описание статьи

Бочарников В. Н. Культурные ландшафты и дикая природа – рефлексия научного восприятия в культурной географии // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2016. Т. 11, № 1. С. 116–126.

Статья поступила в редакцию 28.12.2015